

ცხოვრება, როგორც ლაშქრობა (იგორ ბოგომოლოვი)

ონომასტიკით დავიწყებ: ცოტა მეგულება დღევანდელი ქართველი მკითხველი, რომელსაც „იგორის“ გაგონებაზე „ამბავი იგორის ლაშქრობისა“ გაახსენდეს... აი, გასული საუკუნის 60-იანი წლების უნივერსიტეტული ფილოლოგის მეხსიერებაში კი მკვიდრად ჩარჩა XII საუკუნის კიევის რუსეთის ერთ-ერთი მთავრის – იგორ სვიატოსლავის ძის „ყივჩაღური ოდისეის“ ეპიზოდები და საერთო შთაბეჭდილება მთელი ამ ანონიმური ისტორიული ნარატივიდან, რომელსაც ლაკონიურად ასე განვზოგადებდი – „ცხოვრება, როგორც ლაშქრობა“.

შესაძლოა, ქვეცნობიერადაც ამ ონომასტიკურმა ფაქტორმაც „იმუშავა“, რომ ამდენი წლის შემდეგ, დღეს, იგორ ბოგომოლოვის 70-წლიანი ბიოგრაფიის თვალმიდევნებისას, მაინცადამაინც ის სტუდენტობისდროინდელი ალუზია ამოტივტივებულიყო და, ყველა გარეგანი კომპონენტის მიხედვით, ეს კლასიკურად აკადემიური, წარმატებული (როგორც საბჭოურ, ისე – პოსტსაბჭოთა პერიოდში) სამეცნიერო და საზოგადოებრივი კარიერა აღმექვა ერთ, გამარჯვება-დამარცხებათა მონაცვლეობით შედუღებებულ ლაშქრობად უტოპიური მიზნისაკენ.

სტუდენტობის პერიოდი შემთხვევით არ გამხსენებია – იგორ ბოგომოლოვი იმ დროიდან მახსოვს: იგი ჩემი მშობლების – ანა ნიკოლაძისა და გიორგი აბზიანიძის ყოფილი სტუდენტი გახლდათ. მათ შემდგომ დამეგობრებას იმანაც შეუწყო ხელი, რომ დედაჩემი რუსულ-ქართულ ლიტერატურულ ურთიერთობათა საკითხებს იკვლევდა, ხოლო მამა იყო „ცოცხალი ენციკლოპედია“ სწორედ იმ XIX საუკუნის ქართული ისტორიულ-ლიტერატურული რეალიებისა (შესატყვის განყოფილება-საც ხელმძღვანელობდა ლიტერატურის ინსტიტუტში), რაც ასე აინტერესებდა იმ ეპოქით ესოდენ გატაცებულ, ცნობისნადილიან, მომავალ მეცნიერს.

ბატონი იგორის საკანდიდატო ნაშრომი და პირველი მონოგრაფია კიდევ უფრო აკონკრეტებდა ამ ისტორიულ სეგმენტს: XIX საუკუნის 40-იანი წლები და „ქართული თემა“ გამოჩენილი რუსი პოეტის – იაკობ პოლონსკის შემოქმედებაში.

შემდგომ, წლიდან წლამდე, წიგნიდან წიგნამდე (იგორ ბოგომოლოვი 22 წიგნისა და 350 სტატიის ავტორი გახლდათ), განუზომლად გაფართოვდება ეს „ისტორიული სეგმენტიც“ და ეს „გეოგრაფიაც“: იგორ ბოგომოლოვის ინტერესების თვალსაწიერში აღმოჩნდებიან უკრაინელი კლასიკოსებიც და თანამედროვენიც (ტარას

შეგჩენკო, მიკოლა ბაჟანი, ოლექსა ნოვიცკი); გერმანელი არტურ ლაისტიც და ლატვიელი იან რაინისიცი; აზერბაიჯანელი მირზა-ფათალი ახუნდოვიც და ოსი კოსტა ხეთაგუროვიც; სომეხი ავეტიკ ისააკიანი; თითქმის მთელი რუსული „არეოპაგი“: პუშკინი და ლერმონტოვი, გრიბოედოვი და ნეკრასოვი, ტოლსტოი და ჩეხოვი, მაიაკოვსკი და ესენინი... ცალკე მონოგრაფიას მიუძღვნის იგი პავლე ანტოკოლსკის, როგორც ქართული პოეზიის მთარგმნელს...

ბატონი იგორის ნაღვანში, საბოლოოდ, ყველაფერი, რაღა თქმა უნდა, ქართული ლიტერატურისა და მისი პოპულარიზაციის გარშემო ტრიალებს: რუსული „რუსთველიანა“; ვახტანგ ორბელიანის უცნობი წერილები და აკაკის ნაკლებად ცნობილი კომედია; ვაჟა და ლევ ტოლსტოი; ილიას პროზის პრაქტიკულად უცნობი, პირველი რუსული თარგმანები (მსიამოვნებს, გავიხსენო, რომ ილიასადმი მიძღვნილ საიუბილეო რუსულენოვან კრებულში, რომელშიც ეს დიდად საინტერესო მასალა გამოქვეყნდა, „ვმეზობლობდი“ ბატონ იგორთან)...

აქ ჩამოთვლილ გამოკვლევათა უმნიშვნელოვანესი ნაწილი შევიდა იგორ ბოგომოლოვის ორ რუსულენოვან კრებულში: „Брат, ты братом силен“ („ძმაო, ძმითა ხარ ძლიერი“ – ლიტერატურულ ურთიერობათა ნარკვევები) – ეს წიგნი მოსკოვის ერთ-ერთმა ყველაზე ავტორიტეტულმა გამომცემლობამ, „Советский писатель“-მა გამოსცა 1985 წელს, ხოლო ორი წლის შემდეგ, 1987-ში, ახლა უკვე ჩვენი „მერანის“ რუსული რედაქცია უშვებს ასეთივე შთამბეჭდავ კრებულს „Спаяны дружбой“ – რაც, მოგეხსენებათ, „მეგობრობით შედუღაბებულს“ ნიშნავს...

ორივე ეს წიგნი ერთგვარი პიკი იყო იმ საბჭოთა მეცნიერისათვის, რომლის სტატიებიც სისტემატურად იბეჭდებოდა ისეთ ავტორიტეტულ ლიტერატურათმცოდნეობით ჟურნალში, როგორიცაა მაშინდელი „Вопросы литературы“; რომლის სახელსაც (მის თანაავტორ რომან მიმინოშვილთან ერთად) ყველა იმდროინდელ საბჭოთა რესპუბლიკაში იცნობდნენ (მათ საგანგებოდ შეისწავლეს ეროვნულ ლიტერატურათა ისტორიული კავშირები ქართულ კულტურასთან. როგორც მახსოვს, ტელეგადაცემაც მიჰყავდათ ამ თემაზე).

„პიკი“ ვახსენე. მართლაც ასე იქნებოდა, კალენდარი რომ არა! 1985-ში ჯერ კიდევ მხოლოდ მიწისქვეშა ბიძგებია, თუმცა – დიდი ტექტონიკური ძვრების მომასწავებელი, ხოლო 1987-ში, უკვე ნამდვილად შეიძლება ითქვას, რომ იმ – „მეგობრობით შედუღაბებულ“ სივრცეს, რომლის შესწავლასა და მსახურებასაც ბატონმა იგორმა მთელი ცხოვრება შეაღია, საძირკველი შეერყა. ასე, ერთ დღეში გადაიქცა მისი ყველაზე დიდი გამარჯვება – ყველაზე დიდ მარცხად: გაუფასურდა მისი იდეოლოგიემები; განიფანტა მისი ილუზიები, რომ დიდ ლიტერატურას შეუძლია სინამდვილე შეცვალოს და სხვადასხვა ეროვნების ადამიანები ისეთ თანასწორუფლებიან საძმოდ გააერთიანოს, რომელშიც ყველა ინარჩუნებს თავის იდენტობას და, ამასთანავე, ერთმანეთს თავის უნიკალურ კულტურულ საგანძურს უზიარებენ (ერთგვარი ნაგვიანევი გამოძახილი დოსტოვესკისეული დევიზისა: „Красота спасет мир!“).

კარგად უნდა იცნობდეთ ადამიანის იმ ფსიქოტიპს, რომელსაც ბატონი იგორი განასახიერებდა, რათა წარმოიდგინოთ მისი დრამის მასშტაბი: არაჩვეულებრივად

პოზიტიური ენერგეტიკით, ფიზიკური და სულიერი სიჯანსაღით ეს ბრგე ვაჟკაცი თავად ჰგავდა რუსულ ფოლკლორულ გმირებს. მას ასეთი მრავლისმეტყველი ფრაზა აქვს ნათქვამი: „მე რუსი ვარ ეროვნებით, მაგრამ ჩემი სამშობლო საქართველოა!“.

ახლა წარმოიდგინეთ: მთელი ცხოვრება თქვენი „რუსობა“ სწორედაც რომ თქვენი ქართული სამშობლოს კულტურის წარმოჩენას შეაღიეთ და რომელიღაც წამს იგრძენით, რომ საბედისწერო კონფლიქტის ურთიერგამეტების ბუღში ის თქვენი წლობით გამოტარებული (ან – გამოტირებული!) „ურღვევი ძმობის“ პათოსი („პოლიტიკური რომანტიზმი“ დავარქვათ) აქაც გამაღიზიანებლად ჟღერს და იქაც – რუსეთში...

სულ არ გამკვირვებია, რომ გასული საუკუნის 90-იანი წლებიდან იგორ ბოგომოლოვმა რადიკალურად შეცვალა ლიტერატურული ჟანრი და ახლა პუბლიცისტიკის საშუალებით ცდილობდა, რაღაცნაირად დაეშოშმინებინა სამკვდროსასიცოცხლოდ გადაკიდებულ „თანამემამულეთა“ ორივე მხარე... არც ის მიკვირს, პოლიტიკაში რომ ჩაერთო: იმ თავის მოზღვავებულ „მოლაშქრის“ ენერგეტიკას, როგორც ჩანს, რაღაც ასპარეზი ნამდვილად ესაჭიროებოდა – სახელმწიფო საბჭო იქნებოდა ეს, პარლამენტი, თუ კიდევ რაღაც ურიცხვი კომისიები, ასოციაციები, საბჭოები, ასამბლეები, სადაც მიაჩნდათ, რომ სწორედ იგორ ბოგომოლოვის უნარი და გამოცდილება უშველიდა მათ საქმეს...

1996 წელს, ჟურნალ „Литературная Грузия“-ს რედაქტორობა რომ ჩავიბარე, დროდადრო საზოგადოებრივ „ღონისძიებებზე“ მიწვედა დასწრება. იქ ვხვდებოდი ხოლმე ბატონ იგორს და ერთხელ, ჩემს მორიგ თხოვნაზე, რამე დაენერა ჟურნალისათვის, რაღაც ტკივილიანი გულწრფელობით („По старой памяти“ – როგორც თვითონ უყვარდა თქმა) მიპასუხა: „Кому всё это нужно?!“. ისე მგონია, რომ სწორედ ამ ტკივილმა მოუსწრაფა სიცოცხლე, და ძალიან მენანება...

«За гранью дружеских штыков»

О пребывании Лермонтова на Северном Кавказе и в Грузии написано немало. Исследованы его связи с ссыльными декабристами и с представителями грузинской интеллигенции, определена роль кавказской природы, грузинского фольклора в творчестве русского поэта, проанализированы его стихотворения, поэмы, проза, драматургия, живописные работы, переводы Лермонтова на грузинский язык, отклики на его творчество в грузинской прессе и литературной критике, вопросы влияния, параллелей, реминисценций и мн. др.*

Однако остается один важный, можно сказать, ключевой вопрос, без объективного решения которого мы не сможем правильно осмыслить всю глобальность проблемы в целом. Это вопрос об отношении Лермонтова к самодержавно-колониальной политике России на Кавказе.

На протяжении многих десятилетий при обсуждении этого вопроса не раз «ломались копья», были высказаны высокопарные суждения о той «божьей благодати», которая «сошла на Грузию», «расцветшую» «за гранью дружеских штыков» России, прозвучали резкие выражения по поводу лермонтовского выражения «бежали робкие грузины» и т.д. Для того чтобы объективно разобраться в этих вопросах, необходимо прежде всего хотя бы в общих чертах выяснить отношение великого русского писателя к такому эпохальному историческому явлению, как Кавказская война. Именно она является той «лакомусовой бумажкой», которая позволяет осмыслить интересующие нас вопросы.

Будучи сыном своей эпохи, Лермонтов, как и Пушкин, был сторонником присоединения Кавказа к России. Более того, он, хотя и не по своей воле и убеждениям, был непосредственным участником Кавказской войны. Но вот что парадоксально: Лермонтов не просто осуждал жесточайшие имперско-колониальные методы ее ведения, он вообще считал эту войну бессмысленной, безнравственной, чреватой тяжелыми последствиями для всех ее участников, предлагая вслед за Пушкиным социально-экономические и культурно-просветительские пути сближения кавказских народов с русским.

Вполне естественно, что во время кровопролитной Кавказской войны вся имперская идеология и пропаганда работали на то, чтобы создать жестокий «образ врага». В романах, повестях, стихах, поэмах, газетных и журнальных статьях, написанных официальными, верноподданническими писателями, горцы изображались как «дикие», «кроважадные» «хищники».

* Подробнее см.: Андроников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году, М., 1955; его же: Лермонтов. Исследования и находки, М., 1968; Шадури В. «За хребтом Кавказа», Тб., 1977; его же: Декабристская литература и грузинская общественность. Тб., 1958; Ениколопов И.К. Лермонтов на Кавказе. Тб., 1940; Талиашвили Г.А. Русско-грузинские литературные взаимоотношения, Тб., 1967; Николадзе А.К. Русско-грузинские литературные связи, Тб., 1965; Барамидзе М.Г. Лермонтов в грузинской литературной критике, Тб., 1967 и др. (Здесь и в дальнейшем сноски приводятся в авторской редакции И.Богомолова – *И.М.*).

В корне противоположную позицию занял Лермонтов, который, развивая традиции Пушкина, осмыслил Кавказскую войну как борьбу народов за свою независимость. При чем Лермонтов решал эти вопросы более радикально и многосторонне, с большим знанием дела, поскольку знал эту войну не по наслышке и не по рассказам других лиц, а был непосредственным ее участником.

Отмечается еще одна особенность: если Пушкин уделил большое внимание противопоставлению Кавказской войне своих миротворческих «рецептов», то Лермонтов весь свой гневный пафос направил на осуждение кровопролития и человекоистребления. Исходя из своих общих радикальных настроений, поэт воспринимал Кавказскую войну однозначно – как тему свободолюбия, борьбы с самовластьем, с попранием прав человека и народов, проживавших в удивительной стране:

*Прекрасен ты, суровый край свободы...
(«Измаил-бей»)*

Тему Кавказской войны Лермонтов затронул не только в стихотворениях «Кинжал», «Казачья колыбельная песня», «Дары Терека», «Завещание», «Валерик», «Утес», «Спор», «Черкешенка», «Утро на Кавказе», но и в таких эпических произведениях как, «Черкесы», «Кавказский пленник», «Измаил-бей», «Беглец», «Хаджи-Абрек», «Мцыри», «Герой нашего времени», «Кавказец» и другие.

В произведениях Лермонтова удивительным образом переплетаются умонастроения его передовых русских современников со всем тем, что происходит на Кавказе. Ведь для его кавказских героев, как и для прогрессивных русских современников, Российская империя олицетворяла «тюрьму», подавляющую не только человеческое, но и национальное достоинство. Поэтому единственное, что движет его кавказскими героями – это стремление к «вольности», которой реально угрожает и даже пытается уничтожить имперско-колониальный режим:

*И страх насильства, и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить; - позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная старина,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя...
(«Измаил-бей»)*

Все произведения Лермонтова, в которых затрагивается тема Кавказской войны, характеризуются политической окраской: сочувствием к борьбе кавказцев с имперско-колониальной политикой самодержавия.

В поэме «Беглец», как и в гениальном «Мцыри», проповедуется излюбленная для Лермонтова идея: родина и свобода дороже собственной жизни.

Конечно же, Лермонтов, руководствуясь своим кредо, в определенной мере идеализировал Кавказскую войну, заостря внимание только на одной из ее сторон. Но это отвечало всей установке его творчества, с одной стороны, а с другой – не было лишено глубинных исторических, реальных оснований.

С литературной точки зрения такой подход был связан с важными новациями, ибо у Лермонтова в противоположность разочарованному герою-индивидуалисту из южных поэм Пушкина появляются новые герои – горцы, у которых на первом плане выступают страстность, сила устремлений, решительность, волевая настойчивость. Контрастом социальному одиночеству героя-отщепенца служит связь лермонтовских горцев со своим народом.

В своих кавказских произведениях Лермонтов противопоставляет безвольным и бессильным современникам смелых и свободолюбивых людей, жертвующих всем ради свободы.

Тема Кавказской войны перерастает в творчестве Лермонтова в противопоставление Востока Западу, т.е. «развращенным» европейцам (русским) противостоят «дикие» (т.е. «естественные»), не извращенные цивилизацией народы и герои*.

В творчестве Лермонтова наблюдается и прямая полемика с теми реакционными писателями, которые трактовали Кавказскую войну с самодержавно-шовинистических позиций. Так, например, поэт И. Шидловский, затронув эту тему в поэме «Гребенской казак» (1831), писал о воевавших с русскими войсками кавказцах:

*Порывов пламенных, свободных
Сынам Кавказа не дано...
И далее: Душа хладней утесов снежных,
В них сердце камнем создано...*

Ответ на эти, оскорбительные для народов Кавказа «пассажи», Лермонтов дал в поэме «Измаил-бей» (1831):

*Пусть будет это сердце камень –
Им пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!*

Кавказ как место действия своих героев Лермонтов избирает и по политическим соображениям: там шла национально-освободительная война. Лермонтов сочувствовал вольнолюбивым кавказцам, которые сражались за свободу. Поэтому его героями движет одно высокое чувство – ответственность за родину. Верные этой высокой цели бытия, они отвергают во имя свободолюбивых устремлений даже такие всеобъемлющие чувства, как любовь к сыну, к другу, к девушке.

* Напомним, что в пушкинско-лермонтовские времена слово «дикий» употребляли в смысле «в природном виде состоящий», не обработанный человеком, невозделанный, природный, естественный, необразованный» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т.1, 1978, с. 436).

С особой силой зазвучал этот мотив в одном из вершинных произведений Лермонтова – поэме «Мцыри» (1839), в которой воссоздан образ современного героя, одушевленного идеей свободы и мужественно боровшегося за осуществление своего идеала. Это – не традиционный романтический герой, т.е. сильная титаническая личность, находящаяся в конфликте с обществом, презирующая и ненавидящая окружающих ее людей, бегущая из своей страны и практически бездеятельная.

Всего этого нет в поэме, ибо сюжет ее мотивирован реальной судьбой Мцыри. Этот мальчик – «пленник», и образ его верен действительности. Известно, что в ходе Кавказской войны Главноуправляющий в Грузии, командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов, чтобы устрасить непокорные народы, ввел систему аманатов – из горских селений насильно уводили детей, держали их в плену, как заложников, в очень плохих условиях. Еще Пушкин обратил внимание на эту вопиющую антигуманность. В «Путешествии в Арзрум», описывая Владикавказскую крепость, он, как мы помним, подчеркнул: «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки».

Аманаты – маленькие заложники самодержавного режима, не смирялись с жуткой неволей и пытались бежать в родные края, за что на них надевали «деревянные колодки»*. Естественно, что как и эти мальчики, Мцыри пытается убежать на родину, к своим родным.

Лермонтов выражает глубокое убеждение в непоколебимости духа борцов за национальную свободу. Ведь в слабом мальчике таится грозная мятежная сила, питаемая свободой и ненавистью к русскому самодержавию, в частности к Николаю I, о чем свидетельствуют строки, изъятые из поэмы «Мцыри» цензурой:

*Я слезы горькие глотал,
И детский голос мой дрожал,
Когда я пел хвалу тому,
Кто на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму...***

Протест юноши-горца приобретает здесь историческую и конкретно-политическую целенаправленность, ибо личная трагедия Мцыри перерастает в национально-политическую – в столкновение свободолюбивых, национально-освободительных идей с николаевско-бенкердорфовским режимом.

Основная мысль поэмы: лучше смерть, чем рабство, лучше несколько дней свободы, нежели годы угнетения и унижения.

Но Лермонтов хорошо понимал и то, что в современных ему реальных условиях протест против национального и социального угнетения не может привести к победе;

* Надо ли удивляться тому, что и горцы на пушкинского пленника, как и толстовского Жилина и Костылина, одели такие же колодки? – И.Б.

** Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в четырех томах, т. 2, М., 1986, с. 502.

он неизбежно будет безрезультатным, поскольку силы империи столь велики, что противостоять им просто невозможно. Эту свою концепцию Лермонтов, на наш взгляд, обосновал в стихотворении «Спор», которое в недавнем прошлом трактовалось однозначно: «Важнейшие и волнующие вопросы русско-грузинских отношений затрагиваются поэтом в «Споре» и «Мцыри». Сочувствуя «угрюмому Казбеку», олицетворяющему борьбу «горных орлов» с царизмом, Лермонтов оправдывает продвижение России на юг, ибо считает, что для Кавказа выгоднее присоединиться не «к дряхлому Востоку», а к более развитой в промышленном и культурном отношении северной державе («Спор»)*.

Тот, кто внимательно прочитает это стихотворение, полагаем, убедится в том, что здесь речь идет не об «оправдании» Лермонтовым «продвижения России на юг», а о неизбежности, предрешенности исхода войны на Кавказе. В «недоумении» «кидает взоры» «угрюмый Казбек» на «север темный» (именно «темный»!) и видит страшные силы, которые «шумны как поток», «страшно медленны, как тучи», текут «прямо на Восток» (невольно эта картина напоминает нашествие ордынских завоевателей). «Их ведет, грозя очами, // Генерал седой», за которым легко угадывается А.П. Ермолов, выступающий здесь как символ покорения Кавказа. И Казбеку ничего не остается, как покорится несчетной «темной» «вражеской» силе:

*И томим зловещей думой, Грустным взором он окинул
Полный черных снов, Племя гор своих,
Стал считать Казбек угрюмый – Шапку** на брови надвинул
И не счел врагов. И навек затих.*

Как видим, ни о какой «выгоде» Лермонтов не говорит. Более того, весь этот финал стихотворения «Спор» выдержан не в мажорных, а в минорных тонах. «Угрюмый Казбек», обуреваемый «зловещей думой» и «черными снами», «грустным взором» окидывает свои племена и «навек затихает», покоренный «врагами». Это больше похоже на смерть, нежели на движение к новому, «выгодному» будущему.

Поражение терпит и Мцыри, вновь оказавшийся у стен монастыря-тюрьмы. Верный правде жизни, Лермонтов не может скрыть пессимистического вывода об исходе Кавказской войны:

*Прошло два года, все кипит война;
Бесплодного Кавказа племена
Пытаются разбоем и обманом...
(«Измаил-бей»)*

Философская позиция Лермонтова сводится к тому, что в современных ему реальных условиях борьба против национального угнетения не может привести к победе, она неизбежно будет безрезультатной, но не бессмысленной. Мцыри исполнен гордости

* «За хребтом Кавказа», Тб., 1977, с. 50-51 (сост. В.Шадури).

** Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека (Прим. М.Ю.Лермонтова).

за совершенное им, он счастлив, что выдержал испытание, что оказался способным бесстрашно вступить на путь борьбы. Недаром он говорит старому монаху:

*Давным-давно задумал я
Взглянуть не дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На белый свет родимся мы...*

В словах Мцыри – поэтический пафос поэмы. Это итог эволюции Лермонтова и пересмотра поэтического идеала протестующего героя, обобщение исторического опыта тех декабристов, которые хотя и потерпели поражение, но выступили не бессмысленно и своей гибелью призывали к борьбе за высокие идеалы.

Но кто же покушается на свободу горских народов, кто пытается надеть на них колониальное ярмо? В своем творчестве Лермонтов дал четкие ответы на эти вопросы. Так, к примеру, в «Герое нашего времени» он показал русских участников Кавказской войны, правда, не в «деле», а на излечении от полученных ран, на побывке, в т.н. «бывачном» быту. Как отличаются от героев, скажем, лермонтовского «Бородина» все эти драгунские капитаны и прочие офицеры, проводящие свой отпуск «на водах». Это – мелкие интриганы, трусы, завистники, карьеристы, волокиты, обжоры, пьяницы, в которых нет ничего благородного, а тем более героического. Сам Печорин «сослан на Кавказ», и о том, как он там себя чувствует и ведет, можно судить хотя бы по «Бэле». Раненный в боях с горцами Грушницкий является олицетворением глупости и напыщенности, самолюбия и слабости, граничащей с подлостью. Максим Максимыч – превосходной души человек, но по сути дела прозябает в глуши. Мечется «в тоске бесконечной» страстный картежник, заигрывающий с судьбой Вулич, который даже на передовой, во время боевой тревоги доигрывает карточную партию в цепи, а, атакуя чеченцев, только и думает о том, как бы скорее рассчитаться с партнером. Подстать Вуличу не только окружающие его офицеры, но также и такие рядовые казаки, как, скажем, Ефимыч, который, напившись, жаждет только крови и для которого все равно, кого зарубить, свинью или Вулича.

Конечно же, это не героическое воинство, и прежде всего потому, что в отличие от истинных героев «Бородина», они преследуют в Кавказской войне либо корыстные цели, либо просто не знают, за что и во имя чего они воюют.

Лермонтов хорошо понимал это. Говоря о русских, служащих на Кавказе, он в своем очерке «Кавказец» разделил их на две категории: на тех, кто «прослужив там несколько лет [...], обыкновенно возвращается в Россию с чином и красным носом», и на тех, кого отправляли в армию «на казенный счет с большими надеждами и маленькими чемоданами». О первых Лермонтов достаточно много говорил в романе «Герой нашего времени»*. Что

* Тут же уместно вспомнить и некоего Трущева из лермонтовского «Маскарада», который «Семь лет в Грузии служил //Иль послан был каким-то генералом//, Из-за угла кого-то там хватил, //Пять лет сидел он под началом // И крест на шею получил».

же касается вторых, то через некоторое время, как утверждал великий русский писатель в очерке «Кавказец», они напрочь лишались романтических и псевдоромантических иллюзий, начинали понимать истинный характер Кавказской войны и в них рождалась большая симпатия и даже любовь к «противнику», ко всему кавказскому: «Чуждый утонченности светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую: не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по имени их богатырей, запомнил родословные главных семейств».

Проходит время, и у этого простого небогатого офицера, к которому «чины нейдут», вырабатывается свой менталитет, побуждающий его отказаться от участия в чуждой для него войне. Но как выйти в отставку, не имея средств к существованию? И тогда этот, по словам Лермонтова, уже «грузинский кавказец» прибегает к оригинальному способу «заработать» отставку с пенсией: он «во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсию: это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, и он покупает тележку, запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину». И тут невольно на память приходят слова Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии потому, что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание».

Следует обратить внимание на то, что лермонтовский «Кавказец» не художественное произведение, а очерк. Лермонтов зафиксировал в нем то, что видел и испытал сам. Характерно, что русский поэт, сам не желая более участвовать в Кавказской войне, подумывал о выходе в отставку, прибегнув к испытанному методу – «легкому ранению» (разумеется не тем способом, который он описал в «Кавказце»). В письме к С.Н. Карамзиной из Ставрополя, датированном 16 мая 1841 года, он прямо писал: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что можно мне пожелать»*.

Таким образом, как показал Лермонтов, уже само пребывание честных и благородных людей на Кавказе зачастую радикально меняло их психологию и даже в определенной мере ассимилировало их, зарождая любовь к этому героическому и свободолюбивому краю, к народам его населяющим, к их истории и культуре.

Военные произведения Лермонтова, сумевшего преодолеть традиционные каноны романтической баталистики, - этап и одновременно вершина военно-художественной литературы того времени. «Вот, кого жаль, что так рано умер! – говорил Л.Н. Толстой в 1883 году. – Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий, [...] каждое его слово было словом человека, власть имеющего»**.

«Словом человека», имеющего «силу» и «власть» сказать правду о Кавказской войне, была опубликованная посмертно лермонтовская поэма «Валерик». Когда заходит речь об

* Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1986, с. 424.

** Русанов Г.А. Поездка в Ясную поляну 24-25 августа 1883. В кн. Толстовский ежегодник, 1912, М., с.69.

отношении автора к этой войне, обычно цитируются знаменательные строки о беспрестанной и напрасной вражде жалкого человека под неизмеримо высоким и прекрасным небом, под которым «места много всем». При этом утверждается, что многозначительный вопрос «зачем?» был впервые поставлен Лермонтовым. Это не соответствует истине. Ведь вопрос этот ставили многие, и прежде всего Пушкин. И в то же время именно Лермонтов оказался ближайшим, прямым и непосредственным предтечей великого Л.Толстого, а его поэма «Валерик» – важнейшим этапом на этом пути и вершиной его сложной и стремительной эволюции к антивоенной позиции.

В поэме «Валерик» нет ни одной романтической нотки. Произведение с предельной точностью фиксирует малейшие перипетии боя. И это неудивительно, ибо автор был очевидцем и участником этого сражения. В составе отряда генерала А.Ф. Галафеева Лермонтов сражался на реке Валерик, выполняя ответственные и опасные задания.

«Валерик» – решительный отход от образцов классицистической и романтической батальной лирики. Походный и бивачный быт войск изображен в аспекте основополагающих принципов «натуральной школы». Автор изображает преисполненных взаимной вражды горцев и русских, называя сражение между ними «резней», которая завершается кровью, текущей по скалам, наполняющей тяжелыми испарениями воздух. Все детали поэмы реалистичны: на ружья опершись, над умирающим командиром стоят седые воины, убитых в бою оттаскивают за ноги в сторону, к раненым зовут лекарей. Картины сражения и смерти противопоставлены в поэме «забавам света», которому «смешны тревоги дикие войны».

Протест против варварских методов ведения Кавказской войны, подлинно гуманистическое начало занимало все большее место в идейно-творческой эволюции Лермонтова. Как и Пушкин, Лермонтов в своих духовно-нравственных исканиях, по словам Ф.М. Достоевского, находил исход «в преклонении перед народной правдой»*. Это тяготение к «народной правде», к народному идеалу выявилось в факте неуклонного и твердого отхода Лермонтова от традиционной двойственности в изображении войны, которой он не находил оправдания. И эта активная позиция очевидца и участника многих сражений воина-поэта, долгие годы своей недолгой жизни не снимавшего с плеча военного мундира и боевого оружия, – убедительна, последовательна и радикальна.

Все, что было сказано выше, разумеется, не случайно, ибо только с учетом всего, а именно отношения Лермонтова к самодержавно-колониальной политике царской России на Кавказе вообще, следует, на наш взгляд, рассматривать вопрос о «божьей благодати», принесенной в Грузию «дружескими штыками». Напомню бравурные слова из первой строфы «Мцыри»:

*И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.*

* Достоевский Ф.М. Полн. Собр. соч., т.12, СПб, 1883, с.397.

В советском литературоведении эти строки интерпретировались в различном словесном обрамлении, смысл которого, однако, был однозначен и сводился к следующему: «В поэме «Мцыри» присоединение Грузии к России расценивается как безусловно прогрессивный акт, поскольку после этого многострадальная, истерзанная персидско-турецкими захватчиками Грузия получила возможность мирного развития, «не опасаяся врагов, за гранью дружеских штыков»*.

Такова была оценка, данная официальной советской историографией (равно как и литературоведением) эпохальному явлению 1801 года, которое квалифицируется сегодня не как «безусловно прогрессивный акт», а как аннексия. Естественно, что при первой же возможности (в том числе и формальной) любые высказывания (в том числе и лермонтовское) вырывались из контекста и «пристегивались» к узаконенной тогда официальной версии. Правомочно ли это? Мог ли мыслить Лермонтов в 30-х гг. XIX века советскими стандартами? Разумеется, нет. Еще И. Андроников поставил резонный вопрос: «Как возникли в поэме эти строки, в которых утверждаются выгоды присоединения Грузии к России? Ведь о сочувственном отношении Лермонтова к борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия мы знаем не только с юношеских стихотворений и юношеской поэмы «Измаил-Бей»; лучшее тому доказательство именно «Мцыри». Об этом ребенке, взятом в горах и обретаем в грузинском монастыре тюрьму вместо родины, Лермонтов говорит с любовью и состраданием; поэма исполнена пафоса свободы. Так, почему же, сочувствуя пленному горцу, он полагает, что на Грузию после ее присоединения к России должна была сойти «божья благодать»? Нет ли противоречия между этими строчками о Грузии и остальным текстом поэмы»**. Удивительно, что сказавши «а», известный лермонтовед И. Андроников «споткнулся» на «б», заявив в духе времени, что все дело в том, что Лермонтов «отличал Россию – великую страну от Российской империи» и «царских колонизаторов»***. Отличать он, конечно же, отличал, но не применительно к интересующему нас вопросу. Ведь сам Лермонтов ни в одном из «кавказских» произведений не упоминает об означенном «отличии», о «двух Россиях», о том «двойственном» подходе к историческому явлению 1801 года, о котором говорил И. Андроников, а вслед за ним повторяли многие литературоведы. Дело в том, что все творчество Лермонтова, в том числе и поэма «Мцыри», выдержаны в едином идейном русле откровенного сочувствия, как констатировал сам И. Андроников, «к борьбе народов Кавказа против власти российского самодержавия». Поэтому и создается впечатление о «случайности» интересующих нас «одических» строк. «Как возникли в поэме эти строки?» - спрашивает И. Андроников. Попытаемся сформулировать свою версию ответа на этот немаловажный вопрос, не вырывая лермонтовских строк из контекста всего его творчества и прежде всего из самой поэмы «Мцыри». О контексте всего остального творчества великого русского поэта мы уже говорили. Теперь обратимся к «Мцыри».

* «За хребтом Кавказа», Тб., 1977, с. 51 (сост. В.Шадури). То же самое повторяется в кн.: «Сквозь столетия», Тб., 1983, с. 218 (сост. В.Шадури).

** Андроников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году, М., 1955, с. 50.

*** Там же.

Известно, что Лермонтов много работал над своей поэмой, в том числе и над первой строфой. В одном из ранних вариантов встречаются такие строки:

*Тогда уж Грузия была
Под властью русских, но цвела...» **

Уже этот вариант с употреблением противопоставительного союза «но» свидетельствует об откровенно ироническом характере описания: Грузия находится под властью чуждых сил, но тем не менее... цветет. В дальнейшем Лермонтов углубит этот художественный прием, доведя его до свойственного поэту убийственного сарказма. Прежде, чем определить, как он это делает, обратимся ко всему тексту первой строфы поэмы:

*Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж над ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.*

*Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.*

Анализируя эту первую часть строфы «Мцыри», исследователи определили, что речь здесь идет о Мцхета, что Лермонтов в «своем описании слил два мцхетских храма» – Джвари и Светицховели, что он «избрал Мцхет потому, что городок у слияния Куры и Арагвы давал ему возможность связать свой замысел не только с природой Грузии, но и с ее историей – с памятниками ее старины, с размышлениями о судьбе ее народа»**.

Все это правильно, но все это позднейшие рассуждения. Читатели «Мцыри» – современники поэта – всего этого знать не могли, да это для них было не столь важно. Ведь Лермонтов преследовал иную цель. Что же хотел сказать поэт читателям хотя бы первой строфой, являющейся экспозицией, своеобразным «запевом» к поэме, придающем ей определенную тональность и идейную направленность? Что они могли задолго до И. Андроникова и многих других почерпнуть из поэмы? Прежде всего то, что действие происходит в Грузии (неизвестно для них, в каком ее уголке) – стране древнейшей культуры и славного прошлого. Недаром в том месте рукописи, где речь идет о могильных плитах:

* Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в пяти томах, т. 3, М.-Л., 1935, с. 620.

** Андроников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году, М., 1955, с. 49.

*Которых надпись говорит
О славных битвах, -*

Лермонтов тут же переписал и написал:

*Которых надпись говорит
О славе прошлой...*

Переписал, «ибо прошлая слава Грузии – страны древнейшей культуры, страны Рставели - была в его глазах, конечно, несравненно больше, чем одни славные битвы, в которых побеждал своих врагов грузинский народ»*.

Как же, по Лермонтову, сложилась судьба этой древнейшей и славной страны после того, как ее царь, «удрученный своим венцом», «вручил России свой народ»? Лермонтов не описывает всей Грузии, он избирает иной, удивительный по своему философскому осмыслению ракурс. В центре его повествования – святыня, которую, как зеницу ока, оберегал и лелеял грузинский народ, принявший православие еще в IV веке (Лермонтов посещал и хорошо знал, что представляют для грузин такие святыни, как Джвари, Светицховели, Алаверди, Сиони и др.). Для грузин не было ничего дороже храмов, церквей и монастырей – подлинных очагов культуры, опоры жизнестойкости и менталитета народа. Именно собирательный образ такой святыни и воссоздает в «запеве» поэмы Лермонтов, который ничего не говорит об исторических перипетиях, а как бы воспроизводит ту действительность, которая явилась результатом вручения грузинским царем своего народа России. И это художественная объективность, ибо читатель – современник поэта – воспринимал картину такой, какой рисовал ее автор. Святыни этой больше нет, остались лишь «Столбы обрушенных ворот», «И башни, и церковный свод». Один лишь «старик седой» бродит в жутких развалинах, сметая пыль с остатков былой славы. Всюду запустенье, прах, руины. Парадоксально, но «божья благодать» напрочь отсутствует в этом божьем храме. Так автор подводит читателя к выводу: если в таком плачевном состоянии находится самое дорогое – святыня, в каком же положении должна быть вся остальная страна? Повторяем, мы не сравниваем лермонтовские описания с реалиями, ибо речь идет о художественном произведении, о том настроении и впечатлении, которые хотел внушить читателю автор, об отношении поэта к современности, к Кавказской войне, к судьбам своего поколения. И вот тут, на фоне страшной разрухи и упадка вдруг звучат бравурные строки о «божьей благодати» и «процветании» Грузии. Можно ли воспринимать эти слова серьезно на фоне «штыков» (пусть и «дружеских», но все же «штыков»), в контексте всей первой строфы? Не надо обладать особой проницательностью, чтобы увидеть в них не просто иронию, но, как отмечалось, убийственный сарказм. И это своеобразный художественный прием, к которому часто прибегал Лермонтов в подцензурных условиях. О какой «божьей благодати» может идти речь, когда все самое святое превращено в прах?

* Там же.

Тут, пожалуй, уместно напомнить о той оценке, которую дал Пушкин русско-грузинским историческим отношениям. Со свойственным ему лаконизмом, за которым кроется очень многое, он писал в «Путешествии в Арзрум»: «Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мухамеду взять и разорить Тифлис и 20000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 году».

Здесь ироничность, присущая «Путешествию в Арзрум» вообще, также переходит в сарказм. И дело не в том, что Пушкин назвал «свирепого внуха» - Ага-Магомед-хана «славным» (это ирония, ибо слава может быть и дурной). Вся «соль», если так можно выразиться, заключается в словах «не помешало». В подцензурных условиях Пушкин сумел-таки выразить свою мысль: да, «Грузия прибегнула под покровительство России», но это «не помешало» ее разорению. Следовательно, «покровительство» на деле не сработало и имперский «гарант» безопасности грузинского государства фактически не выполнил своих обязательств по Георгиевскому трактату. Характерно, что Пушкин утверждал, что Грузия в 1802 году не присоединилась к своему соседу (тогда иначе он сказать не мог), а «перешла под скипетр императора Александра» (конечно же, слова «скипетр» и «император» вместо Россия употреблены здесь не случайно). Пушкин считал, что именно империя, император, завладели Грузией. Что произошло дальше показал Лермонтов. Но для нас важно констатировать определенное единогласие и единомыслие (как и аналогичность формы их выражения) в трактовке Пушкиным и Лермонтовым интересующих нас исторических явлений.

Но вернемся к «божьей благодати», которой заканчивается первая строфа «Мцыри». Вслед за этим идет начало второй строфы, которая вновь возвращает читателя к крайне неприглядной негативной картине:

*Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез,
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути... и т.д.*

Что это, тоже «благодать», тоже «процветание»? Нет, все далеко не так. «За гранью дружеских штыков» страна лишилась прошлого, не имеет настоящего, а, следовательно, и будущего. К такому выводу подводил читателя Лермонтов.

Обратим внимание на то, что «ребенка пленного» везет в Тифлис «русский генерал», образ которого невольно ассоциируется с А.П. Ермоловым, применившим, как уже отмечалось, жестокую систему аманатов, т.е. заложников. Пленный мальчик, безусловно, является аманатом – сыном горского князя. В его воспоминаниях отец предстает с «гордым непреклонным взором» в «звоне кольчуги» и с «блеском ружья»; у «крыльца» его дома собираются «смуглые старики» – аксакалы, которые с «важностью лица» обсуждают текущие вопросы и т.д. Об обращении «русского генерала» с этим родовитым мальчиком

свидетельствует хотя бы тот факт, что в пути он «занемог» «мучительным недугом» и в итоге был оставлен (вернее брошен) в древней столице Грузии, где его из жалости «призрел» «один монах», взяв в монастырь (кстати, в лермонтовские времена в Мцхета не было мужского монастыря, но, повторяем, мы имеем дело не с этнико-географическим описанием, а с художественным произведением). Итак, он попадает в монастырь, но это уже не святыня, а «тюрьма». Обратим внимание на то, что Лермонтов всюду именуется мальчишка «пленником», «рабом» (хотя стариков, женщин и детей в плен не принято было брать). Мцыри же «пленник», причем «пленник» не кого-нибудь, а русского генерала. На первый взгляд звучит нелепо: «русский генерал» конвоирует мальчишка-горца, взятого в «плен». Под пером же Лермонтова это описание перерастает в злоеший символ: «генерал» олицетворяет самодержавие, молодой горец является «пленником» жестокого имперско-колониального режима, поэтому и монастырь, в который он попадает, воспринимается Мцыри, как «тюрьма», как «кельи душевные», «мрака кельи», как «сумрачные стены» и т.д. Мцыри кажется, что здесь даже «изображения святых», как сказано в одном из вариантов поэмы, «следят» за ним «с угрозой мрачной и немой»*. Для свободолюбивого юноши подлинной святыней является не сей мрачный монастырь, а «горные хребты», которые в «час утренней зари» «курились как алтари», а в «небесном своде» «прилежный взор следить бы мог «ангелов полет». Характерно, что сам Лермонтов испытывал такие же чувства. В дневниковой записи, датированной 8 июля 1830 года, он прямо говорил: «Горы Кавказские для меня священны»**.

В заключение коснемся еще одного немаловажного вопроса, который можно сформулировать так: горцы и христианство. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин, как уже отмечалось, писал, касаясь факторов, могущих, по его мнению, способствовать сближению кавказских народов с русским: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана [...]. Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей ленности в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты».

Столкновение новой христианской морали с суровым бытом и понятиями горцев Пушкин, как уже отмечалось, показал в поэме «Тазит», молодой герой которой, будучи воспитан в духе христианства, вступил, по словам В.Г. Белинского, в борьбу с «общественным варварством»*** своих соплеменников. Пушкин ярко показал столкновение двух моралей, двух мироощущений, противоположность подходов к определению человеческой морали, истинно духовных, по его мнению, ценностей.

Лермонтов тоже касается этой проблемы в поэме «Мцыри», герой которой провел годы в христианской обители. И это оказало влияние на молодого героя. Он стал «понимать чужой язык», «был окрещен святым отцом» и уже хотел «изречь монашеский обет».

* Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, М.-Л., 1935, с. 624.

** Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1986, с. 363.

*** Белинский В.Г. Собр. соч. в трех томах, т.3, М., 1948, с. 612.

Речь лермонтовского героя оснащена библейской терминологией, он по-христиански благообразен, далек от «варварства», не совершает противоугодных Богу поступков. В одном из вариантов поэмы сам Мцыри говорит:

*И если б мог я эту грудь перед тобою распахнуть,
Ты не нашел бы в ней следов
Пороков низких и грехов...**

В принципе Мцыри духовно близок своему сверстнику Тазиту. Но есть важнейшая разница: Тазит свободен, он поступает согласно своей христианской морали на воле, где может противопоставить ее мировоззрению соплеменников. Мцыри же «пленник», заключенный в «тюрьму». Поэтому, главное и единственное, что движет им – это стремление к свободе, на которую он готов даже «рай и вечность променять». Кто знает, если бы Мцыри достиг желаемого, т.е. свободы, не поступал бы он у себя на родине, как и Тазит, согласно христианской морали? Так или иначе, но совершенно очевидно, что Мцыри, как и пушкинский Тазит, духовно радикально переменялся под влиянием христианского воспитания, которое, кстати, не запрещало человеку стремиться к духовной и физической свободе.

Все сказанное выше позволяет заключить, что ничего случайного в трактовке русско-кавказских отношений у Лермонтова нет, что все здесь закономерно и развивается в едином потоке, имеющем немало общего с интерпретацией тех же вопросов, которая была характерна для Пушкина.

2002 г.

отрывок из книги «Игорь Богомолв. Грузия стала традицией для всей русской поэзии» (Тбилиси: изд-во Тбилисского госуд. ун-та, 2002, стр. 230-249)

К публикации подготовила **Иринэ Модебадзе**
(გამოსაქვეყნებლად მოამზადა **ირინე მოდებაძემ**).

* Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в пяти томах, т. 3, М.-Л., 1935, с. 622.